

Воспоминания о Льве Леонидовиче Мищенко (1909–1989)

Вот уже двадцать лет, как с нами нет Льва Леонидовича Мищенко, доктора биологических наук, автора ряда важных трудов по систематике прямокрылых насекомых (включая двухтомный определитель саранчовых СССР и сопредельных стран, написанный совместно с Г.Я. Бей-Биенко, и монографию по саранчовым подсемейства Catantopinae фауны СССР), заведующего Отделением ортоптероидных насекомых Зоологического института АН СССР в 1971–1989 гг., ветерана Великой Отечественной войны. Краткая биография и список трудов Льва Леонидовича были опубликованы сравнительно недавно (Энтомологическое обозрение, 1995, т. 74, вып. 1, с. 234–238), в связи с чем здесь представлены лишь некоторые воспоминания о нем его единственного официального аспиранта, учившегося у него и позднее работавшего рядом с ним, начиная с 1974 г. Однако следует отметить, что неофициальных учеников у Л.Л. было немало: к ним вполне можно отнести российских ортоптерологов С.Ю. Стороженко (Владивосток) и М.Г. Сергеева (Новосибирск), участвующих в этом сборнике, среднеазиатских энтомологов Т.Б. Токгаева и Б.Б. Мырзалиева, а также многих других.

Впервые я познакомился с Л.Л. в 1973 г., когда, еще будучи студентом, приехал в Зоологический институт АН СССР проситься к нему в ученики. Меня познакомили со стройным пожилым человеком, который, несмотря на возраст, выглядел просто красивым – ясные голубые глаза, высокий лоб, густые и кудрявые волосы, которые своей полной сединой придавали его облику особую благообразность. Речь его была затруднена – следствие фронтальной контузии и долгих лет частичной немоты, наступившей через несколько лет после этой травмы. Однако в его облике чувствовалась какая-то особая аккуратность, а в словах – благожелательность к будущему коллеге. Впоследствии я имел возможность убедиться в том, что Л.Л. очень благожелателен ко всем начинающим ортоптерологам. С более зрелыми коллегами у Л.Л. не всегда складывались такие же отношения, поскольку он придавал очень большое значение этической стороне взаимоотношений между исследователями: он считал очень неэтичным вмешательство одного коллеги в таксономические исследования по той группе организмов, которую до него уже начал ревидировать другой коллега, или придерживание материала по какой-либо группе для собственных исследований вместо того, чтобы передать весь материал коллеге, делающему ревизию этой группы.

Л.Л. часто и с большой теплотой вспоминал своих первых учителей ортоптерологии. С.А. Предтеченский был руководителем Л.Л. во время его работ в тридцатые годы в составе противосаранчовых экспедиций Всесоюзного института защиты растений в южные регионы СССР. Он сформировал интерес у начинающего энтомолога к прямокрылым и, особенно, к вопросам систематики саранчовых, поскольку поручал ему трудную (но интересную) работу по определению тех видов, которые на данный момент не представляли угрозу для сельского хозяйства; среди последних было много видов, еще не известных науке. С.А. считал, что для дальнейшего развития мер по контролю за вредными саранчовыми необходимо углубленное изучение таксономического состава саранчевых СССР и ориентировал Л.Л. на специализацию в этой области. Одно из забавных воспоминаний Л.Л. о С.А. относится к необыкновенному умению последнего с помощью гребенки для волос подражать пению различных саранчовых; Л.Л. говорил, что он неоднократно подкрадывался с сачком к кусту, из которого доносилась песня «саранчука», и обнаруживал там спрятавшегося С.А.

Формирование Л.Л. как систематика началось примерно в это же время под влиянием двух исследователей: Б.П. Уварова, эмигрировавшего в Лондон после революции, и Э.Ф. Мирам, в предвоенные годы курировавшей коллекцию ортоптероидных насекомых в Зоологическом институте АН СССР. Б.П. подобрал для Л.Л. значительный материал из зарубежных стран, включающий множество видов, отсутствовавших в советских коллекциях, что помогло Л.Л. опубликовать свою первую крупную таксономическую работу – ревизию рода *Sphingonotus* (1936). В своих письмах Б.П. много консультировал Л.Л. по всем вопросам ортоптерологии и таксономии; нужно отметить, что Л.Л. в те годы не имел еще никакого официального высшего образования –

он стал биологом практически самостоятельно, читая книги, которые советовали его первые учителя. В дальнейшем Л.Л. продолжал поддерживать с Б.П. дружескую и деловую переписку, а также взаимопользительный обмен материалом между коллекциями тех учреждений, где они работали. Через всю жизнь Л.Л. пронес благодарность этому выдающемуся ученому. Ученик и младший соратник Б.П. по противосаранчовому центру в Лондоне Г.В. Попов (G.V. Popov) рассказывал мне, что, впервые познакомившись с Л.Л., он (Г.В.) сразу же почувствовал какое-то особое расположение Л.Л., что, по мнению Г.В., отражало большую симпатию Л.Л. не столько к самому Г.В., сколько к его учителю.

Л.Л. Мищенко в послевоенные годы

В Зоологическом институте АН СССР Л.Л. начал работать в 1937 г., правда сначала в качестве лаборанта в отделении моллюсков. Однако почти каждый день после работы он приходил в кабинет ортоптероидных насекомых и продолжал свои научные исследования по систематике саранчовых под руководством Э.Ф. Мирам, еще помнившей те времена, когда Отделение возглавлялось Н.Н. Аделунгом. Между Л.Л. и Э.Ф. установились доброжелательные, дружеские отношения: Э.Ф. называла его не иначе как Лёва Леонидович, а Л.Л., спустя много лет, говорил мне, что может быть не стоит спешить сводить в синонимы одно из опубликованных ею видовых названий, поскольку Э.Ф. была тщательным исследователем и очень переживала, когда допускала ошибку. К Н.Н. Аделунгу Л.Л. относился несколько иначе – он со смехом пересказывал мне воспоминания Э.Ф. о том, как Н.Н., будучи большим любителем французских романов, почитывал их иногда и в рабочее время, поместив книгу в ящик своего рабочего стола и закрывая этот ящик каждый раз, когда кто-либо входил в кабинет.

Особый пласт воспоминаний о Л.Л. – это его рассказы о войне, контузии и ее последствиях. Он попал на фронт осенью 1941 г., участвовал в знаменитых по своей тяжести боях в районе Невской Дубровки, где и был контужен. В блокадные времена Л.Л., находясь в одном из госпиталей Ленинграда, прятал часть своего пайка под подушкой, чтобы передать навещавшей его жене. Супруга Л.Л. рассказывала мне, что если бы не эта помощь, ей, возможно, не удалось бы пережить блокаду. После контузии Л.Л. страдал сильнейшими головными болями, видел все вокруг перевернутым и в красном цвете; даже через много лет он говорил, что не может читать текст, написанный красными чернилами, поскольку с трудом отличает их от белого цвета. В послевоенные годы на почве контузии у него развилась эпилепсия, и после припадков у него временами пропадала речь, а иногда – зрение. Однако в 1942 г. после госпиталя он временно стал чувствовать себя получше, был демобилизован, вернулся к активной работе в Зоологическом институте и в блокадном Ленинграде защитил кандидатскую диссертацию по подсемейству *Catantopinae* фауны СССР. Эта защита далеко не сразу была признана в Москве, так как Л.Л. не имел формального высшего образования. Не исключено, что обострение его болезни было вызвано переживаниями именно по этому поводу.

Другой пласт воспоминаний Л.Л. относится к его краткому послеблокадному полевому сезону. Когда появилась возможность для эвакуации, Л.Л. и его супруга отправились в Душанбе (в те времена – Сталинабад), где располагалась база Зоологического института, частично эвакуированного из Ленинграда. Здесь он впервые смог полностью отдалиться сбору прямокрылых с таксономической целью (ранее его экспедиционные поездки были связаны главным образом с проблемами борьбы с вредными саранчовыми): обследовал различные ландшафты Гиссарской долины, поднимался высоко в горы, проезжал на лошадях по таким тропам, где многим приходилось закрывать глаза, чтобы не видеть страшные пропасти и не дать лошадям почувствовать нервное состояние седока. Во время этих поездок был собран богатый материал, включающий немало новых таксонов. По результатам этих сборов Л.Л. написал серию работ, в том числе интересную статью по экологическому распределению прямокрылых Гиссарской долины (1949). Последняя публикация недавно получила продолжение – А.А. Покивайловым на основе этой работы было проведено сравнительное исследование исторических изменений в ландшафтно-стациональной приуроченности саранчовых Гиссарской долины (2007). Начавшееся в 1946 г. обострение болезни прервало деятельность Л.Л. как талантливого полевого исследователя. Ему пришлось переквалифицироваться в кабинетного ученого.

Тем не менее, и на этом поприще Л.Л. продемонстрировал свою высокую способность к исследовательскому труду: помимо ряда статей, в 1946–1952 гг. он пишет монографию по историческому формированию фауны саранчовых Средней Азии (эта работа не была тогда закончена – пришлось отвлечься на более важные для народного хозяйства темы, но по ее материалам в 1980 г. опубликована книга в соавторстве с Ф.Н. Правдиным), публикует в 1951 г. аннотированный определитель саранчовых большей части палеарктики (совместно с Г.Я. Бей-Биенко) и сразу за ним – том Фауны СССР (1952). Подобных региональных сводок по прямокрылым для таких больших территорий во всем мире опубликовано очень мало. Неудивительно, что обе последние монографии до сих пор являются настольными книгами для значительного числа специалистов по саранчовым. Наряду с научной деятельностью, Л.Л. трепетно относился к коллекционной работе. Здесь особенно важной оказалась его природная аккуратность и даже некоторая педантичность. После работы с основной коллекцией Зоологического института некоторых сторонних специалистов Л.Л. мог долго возмущаться тем, что насекомые в коробках поставлены не строго по прямой линии, их этикетки не выровнены, а новые этикетки написаны не тушью, а карандашом или шариковой ручкой. Мне он долгое время не позволял подписывать донные этикетки в основной коллекции, поскольку я так и не смог научиться писать “нужным” почерком.

Особо остановлюсь на вышеупомянутой книге “Формирование и эволюция экологических фаун насекомых в Средней Азии” (1980). Эта книга основана на пионерской во многом попытке Л.Л. осмыслить современное распространение саранчовых как следствие их географической истории. Надо отметить, что при крайне не достаточных на тот период данных по ископаемым

прямокрылым конца мезозоя и почти всего кайнозоя для этой цели им была выбрана весьма разумная методология – попытаться связать историю расселения саранчовых с историей материковых связей и палеоклиматических изменений в различных регионах земного шара. Однако крупные изменения климата в прошлом включали многочисленные более мелкие флуктуации, а широкие водные преграды не всегда непреодолимы даже для бескрылых форм. Поэтому при подобных реконструкциях особую важность приобретает установление соответствия между возрастом происшедшего климатического или географического изменения и возрастом формирования или радиации изучаемого таксона. Только сейчас с возникновением молекулярных и цитогенетических методик определения возраста дивергенции видов и родов появляется надежда на более или менее обоснованные суждения на эту тему. Причем эти исследования, как

Л.Л. Мищенко (слева) и Ф.Н. Правдин (справа)
в период подготовки их совместной книги

правило, предполагают более поздние сроки возникновения таксонов родового ранга, чем считалось раньше. Более того, даже некоторые явные палеонтологические свидетельства быстрой эволюции интерпретируются многими палеонтологами как более медленные в связи с трудностью экстраполяции сложного паттерна изменчивости современных видов на ископаемые остатки. Неудивительно, что Л.Л. и Ф.Н. поступали согласно бытовавшим тогда (и нередко даже сейчас) взглядам на скорость эволюции и, возможно, ошибочно относили некоторые важные события истории собственно саранчовых (т. е. Acridoidea без Eumastacoidea и некоторых мелких групп неясного таксономического положения) к более ранним эпохам, чем это представляется ныне. Тем не менее, в этой книге содержится немало интересных сведений и идей, которые могут быть использованы будущими исследователями этой проблемы.

Второе ухудшение состояния здоровья Л.Л. началось в пятидесятых годах. Он потерял речь почти на 20 лет. Появились проблемы со зрением. Все это негативным образом отразилось на его научной работе. Несколько лет он ничего не публиковал, и даже когда его здоровье снова несколько улучшилось, он уже не мог работать с прежней интенсивностью. Малое число опубликованных им в этот период работ объясняется также тем, что он работал над двухтомной

монографией, посвященной самому многочисленному и сложному подсемейству саранчовых – Acridinae. Этот труд был запланирован им к публикации в серии «Фауна СССР». Дома у Л.Л. я видел толстые пачки аккуратно исписанных листков, завернутые в газеты: глава о географии Acridinae, глава о роде *Chorthippus* и другие. В бесчисленных ящичках стояли карточки с цитированной литературой. В отдельных папках лежали рисунки, подписанные условными символами. Л.Л. с большой гордостью говорил, что он сделал самую подробную библиографию по каждому из изученных видов и что через 2–3 года он надеется сдать книгу в печать. Однако этого так и не случилось. Л.Л. приходилось часто отвлекаться – по просьбе коллег из Всесоюзного института защиты растений он написал все главы по ортоптероидным насекомым для целой серии определителей насекомых, вредящих различным сельскохозяйственным культурам. В последние годы жизни Л.Л. помогал начинающему коллеге из Киргизской ССР – подготовил совместно с ним определительную таблицу всех прямокрылых Кыргызстана.

После смерти Г.Я. Бей-Биенко в 1971 г. на плечи Л.Л. легло руководство Отделением ортоптероидных насекомых и курирование ортоптероидных коллекций Зоологического института АН СССР. Даже после выхода на пенсию Л.Л. продолжал быть неофициальным главой Отделения и куратором. Обязанности свои как руководителя Л.Л. видел в предоставлении максимальной свободы творчества, тщательно следя главным образом за тем, чтобы его подопечные не стесняли творческой свободы друг друга, четко распределив между тремя сотрудниками своего отделения (собой, Л.И. Подгорной и мной) все группы прямокрылых. Курирование коллекций Л.Л. понимал как постановку каждым из сотрудников Отделения коллекций по своим группам. Коллекции Института по саранчовым и кузнечикам подсемейства *Phaneropterinae* были поставлены в основном Л.Л. (последней коллекцией Л.Л. занимался по просьбе Г.Я., очень занятого в то время организационной работой по подготовке XIII Международного энтомологического конгресса в Москве), хотя он успел поставить в соответствии с принятой им системой лишь немного больше половины этих коллекций. Особо нужно отметить большую работу Л.Л. по расшифровке “зашифрованных” этикеток в виде кружков и квадратиков разного цвета, которыми в старые времена снабжали сухих насекомых профессиональные сборщики и/или торговцы коллекциями (засекреченные таким образом данные сообщались покупателю после получения денег, но нередко по разным причинам так и оставались нерассекреченными). Благодаря этой работе немало экземпляров редких экзотических видов из старых коллекций бывшего Императорского зоологического музея стали пригодными для научного использования.

Имя Льва Леонидовича продолжает жить в нашей науке. Любой, кто всерьез изучает фауну и систематику палеарктических прямокрылых (прежде всего саранчовых) непременно прочтет книги и статьи Л.Л., придет в Зоологический институт РАН в Санкт-Петербурге, чтобы ознакомиться с коллекциями, поставленными Л.Л., и в конце концов станет вольным или невольным его учеником. И хочется надеяться, что он, как и мы – ученики и коллеги Л.Л., будет благодарен ему за его любовь к своему делу, вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне и нелегкую, но наполненную творческим трудом жизнь.

А.В. Горохов

Зоологический институт РАН, С.-Петербург